

Гергиев опоздал, но успел

ГЮЛЯРА САДЫХ-ЗАДЕ

Последним залпом вослед уходящему сезону стал концерт Гергиева в стенах Новгородского кремля. Совместная культурная акция Эрмитажа и Мариинского театра была объединена темой «Александр Невский».

В Новгородском кремле царил хаос: семь телевизионных компаний готовились отразить последнее событие в сезоне Мариинского театра. Над концертной площадкой, воздвигнутой подле главного Софийского собора, шумели липы. Пока суть да дело, в городе проводил встречи с местной интеллигенцией Михаил Швыдкой, а Михаил Пиотровский, директор Эрмитажа, открывал выставку, посвященную Александру Невскому, на ней присутствовал и Сокуров.

Ближе к вечеру в стены кремля стала проникать публика: счастливы с билетами рассаживались близ эстрады; прочие обступили ограду. Выяснилось, что на концерт, невзирая на непогоду, пришло несколько тысяч новгородцев.

Важные персоны, дожидаясь начала, стояли подальше кучкой. Просматривались новгородский губернатор Прусак и его советник, соратник и друг Бурбулис. Концерт Гергиева финансировали новгородские власти: мероприятие включили в план предвыборной кампании действующего губернатора. Таким образом, культурно-просветительское начинание двух крупнейших федеральных питерских учреждений обрело политическое звучание.

Святослав Бэлза в неизменном смокинге нервно выжидал по коридору. Ждали Гергиева. Он, как водится, запаздывал — обещал прибыть к шести и провести репетицию, но не успел, отменил. Еще теплилась надежда, что подведет к восьми: в восемь начинался прямой эфир на канале «Культура». Пробежал Михаил Пиотров-

ский, возвращаясь с открытия выставки; потом появился Михаил Швыдкой. Вместе поднялись в телевизионную рубку — занимать зрителей беседой, пока главный не прибыл. В первых рядах поднялся ропот; мелкая морось, досаждавшая второй час, пропитала одежду и грозила перейти в настоящий дождь. Тогда все пришлось бы отменять: струнные под дождем играть не могут, портятся. А если б и могли, так от сырости строй ползет, слушать невозможно.

Восемь пятнадцать вечера. Узкий клочок голубого неба аккуратно над кремлем опять расширился. «Опять самолеты взлетели...» — самолеты кружили над Великим Новгородом с трех часов, исправно разгоняя грозу и изредка садясь на дозаправку. Тогда кольцо туч опять смыкалось. В восемь тридцать солидный человек в приличном сером костюме пошел выяснять обстановку. Вернувшись, сообщил жене: «Едет! Уже Мясной бор проехал». Поползли слухи: Гергиев уже выезжал из Питера, когда до него дошла радостная весть: жена родила дочку. Maestro развернул машину и погнался в роддом. Слухи подтвердил появившийся на эстраде министр культуры: доложил сенсации, минут пять рассказывая, как жаланна Валерию Абисоловичу дочка после рождения двух сыновей. Публика сочувственно завздыхала.

Наконец, послышался вой милицейских сирен: кортеж с особо ценным дирижером въезжал на городскую площадь. Ровно в девять, с опозданием в час, появился Гергиев. Он был одет в черный свободный сюртук-рубашку, на голове красовалась белая бейсболка, призывная удерживать разлетающиеся волосы.

Сыграли кантату «Александр Невский». И все бы ничего, если б не неугомонный дождик: он принимался накрывать раз за четыре за концерт. И каждый раз часть музыкантов прятала свои скрипочки под мышки, нежно прижимая к груди и укрывая полый пиджака, потом воздевала над головами коллег разноцветные зонтики — чтобы

В белой бейсболке Гергиев дирижует только на свежем воздухе

Фотограф: Михаил Разуваев/Газета

другая часть могла что-то сыграть. За первым пультом виолончелей оказался один особо нервный музыкант: раз десять он стаскивал с плеч лиджак и надевал его на свою драгоценную виолончель.

Самого же дирижера, казалось, не волновало ничего, кроме партитуры: он так и влился в нее, упрямо добываясь максимальной звучности, невзирая на критические обстоятельства. Мокрые как мыши хористы выпевали торжественные гимны. Сумасшедшая скачка русского воинства и тевтонских рыцарей, изложенная в кошмарно сложной полифонической партитуре, вышла не вполне убедительно — из-за ползущего строя и половинного состава играющих.

Потом на сольный номер — ариозо Невесты — вышла Екатерина Семенчук. И спела с такой силой, страстью и иступлением, воздевая ввысь белые руки, таким глубоким, вибрирующим грудным звуком, что му-

рашки забегали, и не от холода, а от эстетического потрясения. Ее меццо-сопрано — что-то небывалое для наших широт.

Без перерыва началась Вторая симфония Рахманинова. Гергиев предупредил, что в случае дождя они не доиграют ее до конца. Дождик моросил — но они все-таки доиграли. Кажется, лишь теперь вполне открылся смысл симфонии, которая писалась Рахманиновым в этих местах — в имении под Новгородом.

Так что, по гамбургскому счету, концерт в Великом Новгороде был затеян все-таки не зря. Это было настоящее приключение: борьба со стихией, томительное ожидание, неожиданная весть, торжественный въезд мастера в город, банкет, позднее возвращение в Питер, гонка через разводящиеся мосты... И главное — концерт, на котором нет-нет да и проблескивали искорки настоящего вдохновения.